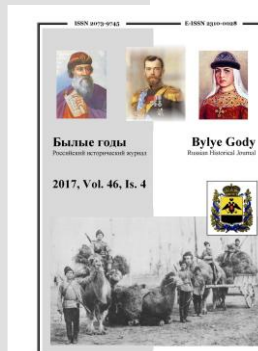

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1194-1206, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1194
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) (470.56)

Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity

Stepan V. Dzhundzhuzov ^{a, *}, Sergey V. Lyubichankovskiy ^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article examines the processes of interethnic interaction of Kalmyks, who inhabited Southern Ural in the XVIII – early XX century with a predominant Russian-speaking and Turkic-speaking ethnic communities. On the example of Kalmyks' small groups living in isolation from one another, the mechanisms of acculturation influence upon them are analyzed, common patterns that cause loss or preservation of their ethnic identity are discovered.

The sources for the present study were the materials from the Archive of Orientalists of Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), the State Archive of Orenburg Region (Orenburg). Archival surveys in combination with published materials of official statistics, diaries and memoir literature provided the information base for conducting a summarizing study.

The comparative (comparative-historical) method was used to identify patterns and characteristics of influence of society with foreign culture and foreign religion upon Kalmyks. Through the method of critical analysis of historical sources, the degree of reliability and representativeness of the documentary material was determined.

Studying the history of Ural and Orenburg baptized Kalmyks, Nagaibaks and Ayuk Kalmyks accepted Islam enabled the authors to conclude that the main factor which ensures the preservation of group identity by Kalmyks was their commitment to Tibetan Buddhism (Lamaism), which new generation of Kalmyk settlers believed to be the religion of Ancestors. Loss of identity occurred regardless of the transition to Islam or Christianity, as long as followers treated the new religion deliberately, not as a spiritual duties that were imposed. Long-term maintenance of originality of individual groups of Kalmyks, who lost their religious identity, was facilitated by their grouped way of life in a separate territory and the existence of special class rights.

Keywords: acculturation, assimilation, identity, Kalmyks, religion, ethnic group, Southern Ural.

1. Введение

В 2015 г., в отзыве на автореферат докторской диссертации, посвященной истории крещеных калмыков Средневожско-уральского региона (Джунджузов, 2015), специалистом по истории башкирского народа Б.А. Азнабаевым был поставлен вопрос о причинах, обусловивших сохранение идентичности этой группой калмыков и полной ассимиляции калмыков, поселившихся на башкирских землях. В процессе обсуждения обозначилась необходимость проведения обобщающего исследования проблем ассимиляции и сохранения идентичности групп калмыков, подвергшихся аккультурационному воздействию со стороны русскоязычных (казаков) и тюркоязычных этнических сообществ в полиэтническом Южно-Уральском регионе (Lyubichankovskiy, 2015b). Данная статья призвана подвести определенный итог научной полемике об этнических судьбах южноуральских калмыков, их участии в этногенезе народов Южного Урала (башкир, казаков, нагайбаков), а также

* Corresponding author

E-mail addresses: djund@yandex.ru (S. Dzhundzhuzov)

роли религиозного фактора в сохранении или потере идентичности, происходившей в процессе внешнего аккумуляционного воздействия.

2. Материалы и методы

Источниками для проведения представленного исследования послужили материалы из фондов Российского государственного архива Древних актов (Москва, Российская Федерация), Архива востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Архивные изыскания в сочетании с опубликованными материалами официальной статистики, дневниковой и мемуарной литературы обеспечили информационную базу для проведения обобщающего исследования, охватывающего разные этнические группы калмыков, имевших поселения на Южном Урале.

Для выявления закономерностей или, напротив, особенностей воздействия инокультурного и инорелигиозного социума на изолированные малочисленные калмыцкие сообщества использовался компаративный (историко-сравнительный) метод. Метод критического анализа исторических источников применялся для определения степени достоверности и репрезентативности документального материала, с учетом времени и обстоятельств появления источника. Используемые источники содержат множество фактов. Через их сопоставление, выстраивание в логическую цепь происходит реконструкция событий, актором которых выступали калмыки.

3. Обсуждение

Исследование истории калмыков Южного Урала представлено рядом работ посвященных отдельным этноконфессиональным группам местных калмыков или народов их ассимилировавших. Процессы оседания калмыков на башкирских землях, их исламизация и последующее растворение в доминирующем башкирском этносе нашли отражение в трудах Б.А. Азнабаева (Азнабаев, 2017), Р.Г. Кузеева (Кузеев, 1974), Г.Х. Самигулова (Самигулов, 2015), С.У. Таймасова (Таймасов, 2009). Проблеме христианизации калмыков и включения их в Оренбургское казачье войско, а также сохранение оренбургскими калмыками своей этнической обособленности посвящены исследования К.В. Орловой (Орлова, 1996), С.В. Джунджузова (Джунджузов, 2014а), К.П. Шовунова (Шовунов, 1992). Малоизученным до последнего времени оставался религиозный быт калмыков-казаков Уральского войска.

4. Результаты

В процессе русской колонизации Южного Урала уже к середине XVIII века вся его территория оказалась в составе обширной Оренбургской губернии (территории современных Оренбургской, Челябинской областей и большей части Республики Башкортостан – С.Д., С.Л.) и Уральского (Яицкого до 1775 г.) казачьего войска (ныне территория Казахстана – С.Д., С.Л.). Появлению в здешнем краю калмыков предшествовало постепенное продвижение их кочевий вдоль юго-восточного приграничья Российского государства и прилегающих к нему сопредельных степных районов.

Начальной датой добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства по праву считается 1609 г., когда в крепостном сибирском городке Таре 50-тысячная группировка торгоутских калмыков во главе с тайшей Хо-Урлюком принесла присягу на подданство России. Позднее их примеру последовали представители других калмыцких сообществ: дербетов, хошоутов и тех же торгоутов. Будущие соседи впервые встретились в степи у реки Сыр-Дарьи, во время похода на Хиву 300 яицких казаков под предводительством атамана Шемая. Сказание об этом походе в 1748 г. в Яицком городке записал П.И. Рычков и в 1762 г. включил в «Топографию Оренбургской губернии». В нем рассказывается, как казаки захватили в плен двух калмыков-охотников, чтобы использовать их в качестве «вожжей» – проводников в полупустынном Приаралье. Историк уральского казачества Б.А. Карпов посчитал, что поход Шемая мог состояться в промежутке между 1620 и 1625 гг. Если бы это событие произошло позже, то заполонившие степь калмыки едва бы дали ему возможность пройти к Хиве; если бы поход состоялся ранее 1620 г., то не застал бы их вовсе. В походе казаки встретили лишь передовые части калмыков, которые даже не решились напасть на них, чтобы отбить своих пленных, а вступили в переговоры (Карпов, 1911: 128).

Регулярные сношения между уральскими казаками и калмыками начинаются с 1629 г. В приложении к 1 тому своего фундаментального исследования истории уральских казаков А.Б. Карпов поместил текст донесения самарского воеводы Бориса Салтыкова. В нем говорилось, что прибывшая в Самару 17 мая 1630 г. станица яицких казаков во главе с Прошкой Филиппевым привезла известие о появлении еще до наступления зимы вблизи Яицкого городка первой партии калмыков. Тогда же казакам пришлось отбить и первую атаку воинственных кочевников. Взятые в плен раненые калмыки показали, что идут на них войной большие калмыки и собираются они кочевать по Яику и по обоим берегам Волги и идти войной на ногайских татар. Калмыки, названные «большими», появились на Яике в апреле 1630 г. Казаки встретили пришельцев у находившегося в устье Яика Соляного городка, известного также под названиями Голубое городище и Кош-Яик.

Поле боя осталось за казаками и в качестве доказательства они отправили в Самару взятого в плен неприятеля (Карпов, 1911: 865-866).

На рубеже 20-30-х гг. XVII века степи в низовьях Яика были заняты калмыками торгоутами, а проживавшие в тех местах ногаи стали их подданными или союзниками. Под ногайцами понимались этнически близкие тюркоязычные племена во главе с биями и мурзами. По подсчетам А.А.Новосельского, в 1646 г. вместе с калмыками кочевало в общей сложности 1700 ногайских, алтыульских и едисанских дворов (Новосельский, 1948: 359).

В тридцатых годах XVII века калмыки окончательно утвердились между реками Яик и Волга. Они заняли также ясачные земли башкир по Яику и его притокам, в верховьях рек Сакмары, Большой и Малой Узени. Прикочевка калмыков в Заволжье затронула политические, экономические и торговые интересы России. Ими были захвачены не только исконные территории находившихся под протекторатом России ногаев, но и ясачные и промысловые угодья башкир, подданных Российского государства (История башкирского народа, 2011: 83).

Юго-восточные рубежи России продолжали подвергаться нападениям калмыков на протяжении всего XVII столетия. В полном окружении воинственных калмыков и подчинявшихся им ногайских татар оказался Яицкий городок. Путь от него к ближайшим торгово-административным центрам – Самаре, Сызрани и Уфе – был если не отрезан, то весьма сильно затруднен. В то же время в этот период происходит процесс встраивания калмыков в геополитическое структурирование Южного Поволжья и Урала, что находило выражение в договорах, заключенных российскими дипломатами с калмыцкими ханами, совместном участии калмыков, башкир и казаков в войнах на стороне России, «народной (межэтнической) дипломатии». Результатом последней стало формирование этнических групп калмыков, поселившихся на Южном Урале и влившихся в состав местных этнических сообществ.

В данном контексте под этнической группой понимается диаспоральное сообщество калмыков, зафиксированное в статистических материалах Оренбургской губернии со времени ее основания в 1744 г. Нами выявлены три этнических группы калмыков, которые сформировались в конце XVII – первой половине XVIII века. Их составили поселившиеся на башкирских землях аюкинские калмыки; калмыки, включенные в состав Оренбургского казачьего войска и калмыки-казаки Уральского казачьего войска. Социализация калмыков, оказавшихся в инородном окружении, обеспечивалась посредством восприятия хозяйственных, культурно-бытовых, религиозно-нравственных особенностей, языка превосходящего их по численности титульного этноса. Судьба этнических групп калмыков, обосновавшихся на Южном Урале, сложилась по-разному. Уже в первой половине XIX века потеряли идентичность калмыки, осевшие на башкирских землях. Большая часть оренбургских и уральских калмыков, влившихся в казачье сословие, напротив, сохранили свою языковую и культурно-религиозную сущность. Свою групповую идентичность они утратили уже при Советской власти, после переселения в Калмыцкую автономную область.

Отсутствие обобщающих работ и возросший интерес исследователей истории казачества и народов Южного Урала к отдельным этническим группам калмыков в контексте изучаемых ими этнических сообществ, в частности, причины ассимиляции аюкинских калмыков в связи с этногенезом башкирского народа, нашли отражение в научной полемике Б.А. Азнабаева и Г.Х. Самигулова (Азнабаев, 2017: 45-50). Ценность подобных дискуссий заключается во введении в научный оборот новых источников и аргументов для последующих обобщений. Однако без компаративного подхода – привлечения материалов, содержащих сведения о других этнических группах калмыков, сложно убедительно говорить о доминирующих причинах потери идентичности аюкинскими калмыками.

Изучение истории уральских и оренбургских крещеных калмыков, а также знакомство с исследованиями, посвященными истории аюкинских калмыков, позволяет сделать вывод, что главным фактором, обеспечивавшим сохранение калмыками групповой идентичности, являлась их приверженность тибетскому буддизму (ламаизму), который новые поколения калмыцких поселенцев считали религией предков. Заметим, потеря идентичности наступала вне зависимости от того, переходили калмыки в ислам или христианство, главное, чтобы к исповеданию новой религии они относились осознанно, а не как к навязанной духовной повинности. Убедиться в достоверности данного утверждения призвано помочь обращение к этногенезу и истории имевших поселения на Южном Урале калмыцких сообществ.

Аюкинские калмыки. Нет единого мнения о времени оседания на башкирских землях калмыков, принявших ислам и продолжавших на протяжении нескольких поколений сохранять свою калмыцкую идентичность. И.Г. Георги, посетивший Южный Урал в составе экспедиции П.С. Палласа на рубеже 70–80-х гг. XVIII века, оставил о них следующую запись: «В Уфимском наместничестве, в Челябинском округе, на восточной стороне Уральских гор, населены три деревни калмыками мугамеданского закона» (Георги, 1799: 23). В официальных документах, в частности, окладных книгах, они именовались «аюкинскими». Исповедание аюкинскими калмыками ислама Георги объясняет пребыванием их предков в казахском плену. По его расчетам, калмыки-мусульмане поселились в Башкирии в конце 1710-х гг. Башкиры их встретили радушно. Отвели им земельные

угодья. Заключение межэтнических браков ускорило процесс «обашкирования» аюкинских калмыков. Уже в конце XVIII века их причисляют к башкирам «из сарт и аюкинских калмык».

Современная историография связывает миграцию калмыков в Башкирию с политическими процессами 1680-1690-х гг. С.У. Таймасов считает, что этому способствовали события башкирского восстания 1682-1684 гг. Хан Аюка со своим войском вторгся в Уфимский уезд и поддержал восставших. Калмыки участвовали в осаде Уфы и Мензелинска, совершали набеги на соседний Казанский уезд. В 1684 г. Аюка пошел на примирение с Россией и при встрече с астраханским воеводой А.И. Голицыным подписал шерт (договор): «Впредь Великим Государям служить верно, а на российские города, села и деревни не нападать и башкирцев, ежели они, учиня измену, бегать будут в улусы калмыцкие, не принимать, а выдавать возвратно» (Бакунин, 1995: 26). По мнению С.У. Таймасова, значительная часть калмыков не пожелала возвращаться в приволжские степи и именно от них на Сибирской дороге возникла этническая группа «аюкинских калмыков» (Таймасов, 2009: 38).

Однако весьма сомнительно, чтобы правитель Калмыцкого ханства позволил значительной части своих воинов выйти из его подчинения и осесть в Башкирии. К башкирам, так же, как и в русские города для принятия крещения, могли уходить калмыки, бежавшие от своих владельцев либо знатные калмыки, недовольные правлением хана Аюки. Последние уводили с собой сотни и даже тысячи подвластных калмыков. В пользу этой версии свидетельствует создание поселения крещеных калмыков вблизи Саратова на реке Терешке и прием на Дону в казачье сословие до 800 калмыков во главе с зайсангами Четерем, Батыром и Тайдзой.

Не отрицая значимости в правящем клане Аюки вражды как фактора, побудившего часть населения откочевать за пределы Калмыцкого ханства, Б.А. Азнабаев все же в качестве ведущего источника притока калмыцких поселенцев в Башкирию называет плен (Азнабаев, 2017: 83). Следовательно, инкорпорация калмыков в башкирское сообщество началась задолго до правления хана Аюки.

В научном дискурсе последних лет активизировалось обсуждение причин этнического сближения башкир и калмыков, а также численности этнической группы аюкинских калмыков и закрепления их земельных прав. Р.Г. Кузеев в процессе анализа этногенеза башкирских племен бурзян, усерган и тангауров отметил, что этноним калмак закрепился за потомством некоторых калмыцких семей, перешедших от ламаизма в ислам и оставшихся среди башкир (Кузеев, 1974: 164). Б.А. Азнабаев не считает религиозный фактор достаточным для объяснения инкорпорации калмыков в башкирский социум. В XVII-XVIII веках исламизации подвергались черемисы, чувашаи, вотяки, представители других проживавших в Башкирии народностей, но они не образовывали новых волостей. По мнению исследователя, основой этнического сближения башкир и калмыков выступала хозяйственная (кочевая) однотипность и военизированная структура этих обществ (Азнабаев, 2017: 84).

Крайне противоречиво подходят историки к вопросу численности аюкинских калмыков. Тон современной дискуссии задавала изданная в 1968 г. работа Р.Г. Кузеева «Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв.». Автор не привел данных конкретно по аюкинским калмыкам, а подсчитал их вместе с семьями, совместно с тарханами (служилыми башкирами) и сартами. В итоге их общее число составило, примерно 30-40 тыс. человек (Кузеев, 1968: 344). Б.А. Азнабаев опрометчиво подвел под этот показатель исключительно ассимилированных башкирами аюкинских калмыков (Азнабаев, 2014: 1613-1615). Г.Х. Самигулов счел приведенные данные необоснованно завышенными как минимум в пять раз. По его оценкам, базирующийся на приведенной В.Э. Деном демоволюционной статистике, численность калмыков в Калмыцкой (Калмацкой) волости в конце XVIII века не превышала 500 или даже 800 человек (Самигулов, 2015: 46). Согласно отчету о народонаселении в Оренбургской губернии за 1821 г., в Челябинском уезде проживало 325 аюкинских калмыков (ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7506. Л. 17). Сведения об этой этнической группе в более поздней статистике уже не встречаются.

По-разному объясняют историки правовую природу образования Калмацкой волости на башкирских землях. Б.А. Азнабаев полагает, что между башкирами и освобожденными ими из плена калмыками складывались отношения, соответствующие формуле «патронат – клиента». Башкиры в качестве «патронов-покровителей» добивались от российских властей включения калмыков в башкирский ясашный оклад, взамен калмыки обязались в качестве тарханов нести военную службу (Азнабаев, 2017: 85). Более обоснованной представляется версия Г.Х. Самигулова. До середины XVIII века калмыки, попадавшие разными путями в Башкирию и оседавшие среди башкир, проживали в разных деревнях и даже в разных волостях башкирского Зауралья. Что важно подчеркнуть: сохранившиеся в документах имена и фамилии аюкинских калмыков свидетельствуют об их мусульманском вероисповедании. В период башкирских восстаний 1735–1740 гг. они вместе с сартами и мещеряками выступили на стороне правительства. Былые заслуги позволили представителям указанных этносословных групп обратиться к русским властям за содействием в наделении земель. От имени шести калмыцких семей такое прошение подал в июле 1737 г. Буран Ягораков. Земли аюкинским калмыкам были выделены вблизи Миасской крепости, на правом берегу реки Чумляк, где и образовалась Калмацкая волость (Самигулов, 2015: 47-48).

Итак, этносословная и, заметим, территориально консолидированная группа аюкинских калмыков сложилась к 50-м гг. XVIII века и сохраняла свой этнический статус по крайней мере до 20-х гг. XIX века. Входящие в нее приняли ислам за полвека до того, как были наделены землей. Источников, свидетельствующих об их формальном восприятии мусульманского вероисповедания, не обнаружено. Не заметил склонности аюкинских калмыков к «идолопоклонству» ученый путешественник И.Г. Георги. В то время, как приверженность к язычеству другой этнической группы - проживавших на Средней Волге ставропольских крещеных калмыков, - не ускользнула от внимания этнографа (Георги, 1799: 21-22). Относительно длительному сохранению самобытности аюкинских калмыков могло способствовать их консолидированное проживание на закрепленной за ними территории. Но смешанные браки и постепенная утрата калмыцкого языка привели к тому, что уже в последней четверти XVIII века, наряду с «аюкинскими», представителей этой этнической группы стали называть «башкирами калмыцкой породы».

Нагайбаки. Еще одним небольшим тюркоязычным этносом на Южном Урале, в этногенезе которого участвовали калмыки, были нагайбаки. В.Н. Витевский считал, что основу нагайбацкого этноса заложили казанские татары, принявшие крещение после присоединения Казанского ханства. Часть этих татар во главе с мурзами перешла на жительство в Башкирию. Не случайно одна из нагайбацких деревень получила название Казанчи. Позднее, в первой половине XVIII века, к осевшим здесь крещеным татарам стали подселять представителей разных среднеазиатских народов, вышедших из казахского плена и принимавших крещение. В их числе В.Н. Витевский, вслед за П.И. Рычковым, называет 70 крещеных калмыков, которые достаточно быстро должны были раствориться в преобладающей тюркоязычной массе.

Свое название нагайбаки получили от ногаев, кочевавших прежде в отведенной им местности. Согласно преданию, на берегу реки Ик, где в 1736 г. была основана Нагайбацкая крепость, после откочевки ногайцев на Кубань кочевал башкир Нагайбак, по имени которого и сам юрт назывался деревней Нагайбаковской.

До 1736 г. нагайбаки платили положенный на них ясак в казну и особый оброк башкирам за земли, которыми они пользовались. С устройством крепости ясак был с них снят, и земли были отданы в их собственное безоборочное владение «на 50 верст в окружности». Такая монаршая милость была результатом верной службы нагайбаков Русскому государству и разорения их башкирами. Взамен нагайбаки обязались отправлять военную службу наравне с оренбургскими казаками и ставропольскими крещеными калмыками. При первом оренбургском губернаторе И.И. Неплюеве (1744-1758 гг.) был учрежден штат Нагайбацкой крепости из 600 человек, а именно 586 рядовых, 6 писарей, 6 сотников, одного есаула и атамана. Атаманом нагайбацких казаков с 1745 г. состоял калмык Андрей Еремкин. О его калмыцком происхождении свидетельствует указ из Уфимской провинциальной канцелярии от 8 марта 1751 г., адресованный «на имя атамана Нагайбацкой крепости новокрещеных калмыков Андрея Еремкина с товарищами» (Материалы по историко-статистическому описанию, 1910: 344-345). В указе перечислялись дарованные нагайбакам права на земли и промыслы. К 1760 г. численность нагайбаков составила 1359 человек (Витевский, 1878). Их поселение состояло из одного села и десяти деревень. Рост нагайбацкого населения продолжался и в дальнейшем. В 1842 г. нагайбацкие казаки были переселены в Новолинейный район Оренбургского казачьего войска (часть территории современных Челябинской, восточных районов Оренбургской областей и Республики Башкортостан). В Верхнеуральском уезде они основали пять поселков: Париж, Фаршампенуаз, Кассель, Остроленский и Требинский. По данным однодневной переписи 31 декабря 1889 г., в Оренбургском казачьем войске состояло 8709 казаков-нагайбаков (3 % войскового населения) (Стариков, 1891: 155).

Принимавшие крещение нагайбаки оставались без миссионерского попечения и должного контроля за исполнением церковных обрядов со стороны православных священнослужителей. По свидетельству этнографа и историка оренбургского казачества Ф. Старикова, к концу XIX века нагайбаки не стали ревностными христианами и в их религиозном быту сохранились некоторые обычаи, унаследованные от исповеданий их предков. Как и все православные христиане, они носили нательные кресты, исполняли многие христианские обряды, соблюдали воскресные и праздничные дни. В то же время за обеденный стол садились не молясь, постов не соблюдали, редко ходили в церковь. Из обычаев нагайбаков, которые Православная церковь относит к язычеству, Стариков называет праздник «жертвоприношения», отмечаемый после окончания посевных работ (Стариков, 1891: 218).

Поверхностная религиозность нагайбаков не противоречит утверждению, что именно крещение, а затем подселение к нагайбакам способствовали утрате калмыками осознания этнической обособленности. В отличие от аюкинских калмыков, калмыки, влившиеся в нагайбацкое сообщество, были разобщены, не имели обособленных поселений. Факторами ассимиляционного воздействия для этой группы калмыков также служили переход на нагайбацкий диалект татарского языка и причисление к казачьему сословию.

Оренбургские калмыки. В окрестностях Оренбурга калмыки начали добровольно селиться со времени образования Оренбургской губернии. Причем инициатива исходила от самих калмыков. В начале 1745 г. к губернатору И.И. Неплюеву за разрешением на поселение в районе Верхнеяицкой

укрепленной линии обратились зайсанги Цой-Берда и Лорой-Гецель. Данные о численности приведенных ими кибиток рознятся от 59 до 70 (Авдеев, 1904: 25; Витевский, 1897: 596). К выгоде казны и к пользе в обустройстве Оренбургского края, калмыки обязались «службу и подводную повинность отправлять без жалования и провианта». В качестве компенсации калмыцким поселенцам разрешалось беспошлинно «торговать, производить звериную и рыбную ловлю» (Джунджузов, 2014b: 276).

До 1749 г. в Оренбурге разрешалось селиться только калмыкам, продолжавшим исповедовать буддизм. Российские власти считали их язычниками и идолопоклонниками. Калмыки, менявшие вероисповедание и проходившие обряд крещения, отправлялись на жительство в Ставропольское калмыцкое войско. По собранным сведениям, за три с половиной года (с 1745 г. по 1749 г.) обряд крещения в Оренбурге прошли 52 калмыка – 29 лиц мужского пола и 23 – женского. Всем им за единственным исключением предписывалось «по восприятию жительство иметь в Ставрополе» или «по крещении в Ставрополь к прочим таковым же калмыкам прислать» (ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 977. Л. 1; Д. 981. Л. 1).

Избранная оренбургскими властями в отношении калмыков линия поведения полностью себя оправдала. По свидетельству П.И. Рычкова, перекочевавшие к Оренбургу калмыки прозябали в совершенной бедности, но «от оренбургского торгу, а паче скорняжным их мастерством (в чем они имеют особенное искусство) вскоре исправились как лошадыми, так и скотом» (Рычков, 1887: 86). Высокой оценки оренбургского губернатора И.И. Неплюева заслужили военные навыки калмыков, самим кочевым образом жизни многих поколений превосходно подготовленных к службе в условиях степного пограничья. Неплюев даже обратился в Сенат с предложением воспользоваться некрещеными калмыками для колонизации Оренбургского края (Витевский, 1897: 594). Но честолюбивые планы оренбургского губернатора не нашли поддержки в Петербурге, так как некрещенные калмыки, где бы они ни находились, оставались подданными своих бывших владельцев. Российское государство брало на себя обязательство «калмык и их подданных татар, в российские города уходящих, возвратно им выдавать некрещеных» (Бакунин, 1995: 25).

В 1749 г. наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши через своего нарочного зайсанга Ноувата потребовал от И.И. Неплюева возвращения некрещенных калмыков в их прежние улусы. Единственным законным способом избежать депортации для этих калмыков оставался переход в православие. Этим правом воспользовались 84 человека. Всего же, с учетом крестившихся ранее 28 калмыков, общая численность оренбургских крещенных калмыков составила 112 человек. В Калмыцкое ханство откочевали 122 человека (Витевский, 1897: 596). С этого времени к поселению в Оренбургской губернии допускались только калмыки, принимавшие крещение.

Исследование, проведенное методом сплошной выборки архивных документов из фонда Оренбургской консистории, позволило установить, что с 1746 по 1758 г. в Оренбурге было крещено 256 калмыков (134 женщины и 122 мужчины). В последующие годы принятие христианства калмыками носило единичный характер. Из содержания отдельных дел можно также судить об обстоятельствах, подвигших калмыков на смену вероисповедания. Условно их можно разделить по следующим группам:

- 1) Выходцы из калмыцкого ханства.
- 2) Калмыки, приезжавшие в Оренбург на поселение или по торговым делам из Яицкого городка. Среди них встречались и калмыки, уже состоявшие казаками Яицкого казачьего войска, для которых смена вероисповедания предполагала и смену места жительства.
- 3) Калмыки, бежавшие из киргиз-кайсацкого (казахского) плена, задержанные как нарушители границы. В производившихся по их делам дознаниях обязательно присутствовала формулировка: «в Оренбургской губернской канцелярии в допросе объявили желание воспринять святое крещение» или «православную христианскую веру греческого исповедания».
- 4) Калмыки, как правило, женщины или малолетние дети, выкупленные частными лицами у казахов.
- 5) Калмыки, состоявшие под следствием и заключенные под стражу за совершение противоправных деяний.
- 6) Калмычки, жены кундуrowsких татар (переселенцев из Астраханской губернии), стремившиеся посредством крещения освободиться от власти мужей (Джунджузов, 2014a: 112).

С появлением в Оренбургском ведомстве большой группы крещенных калмыков перед военной администрацией встал вопрос об организации управления ими. Губернатор И.И. Неплюев распорядился зачислить калмыков в созданный в 1748 г. нерегулярный казачий корпус. Каждое лето часть из них призывалась на пограничную службу, несение которой на них возлагалось наравне с другими оренбургскими казаками. В декабре 1753 г. из оренбургских калмыков была сформирована отдельная рота со штатным расписанием и установленными окладами. Рядовыми оренбургскими калмыками командовали один зайсанг и два старшины, которые, в свою очередь, подчинялись возведенному в полковничий чин владельцу Семену Хошоутову, до крещения звавшемуся Сербетом (Рычков, 1887: 87). К середине 60-х гг. XVIII века в Оренбургском корпусе несли службу 200 калмыков, что составляло пятую часть его рядового состава. К концу столетия в штатном расписании корпуса числились уже две калмыцкие роты (Шовунов, 1992: 152).

До 1757 г. калмыки проживали в примыкавшей к Оренбургу казачьей слободе Форштадт. Из-за наплыва калмыков Форштадт еще называли калмыцкой слободой. После того, как решением Войсковой канцелярии от 12 декабря 1757 г. была выделена определенная территория, оренбургские калмыки стали селиться в Бузулукском уезде, недалеко от Новосергиевской и Сорочинской крепостей, по рекам Гусихе, Верхнему и Нижнему Уранам, Красной и Самаре. В 1765 г. им была произведена нарезка земли по казачьим нормам, а в 1798 г., после генерального межевания, калмыки получили планы и межевые книги на все закрепленные за ними угодья. По аналогии с названием уезда эта группа калмыков стала называться бузулукской. В ведомственных документах бузулукские калмыки именовались калмыцкой командой (Джунджузов, 2014b: 286).

В результате межевания бузулукские калмыки превратились в крупных землевладельцев. Принадлежавшая им дача простиралась на площади в 196758 десятин и 2363 сажень, из которых всего немногим более 5000 десятин были неудобными, или, иначе говоря, непригодными к хлебопашеству. При этом численность бузулукских калмыков имела необратимую тенденцию к сокращению. Так, если в 1819 г. мужское население казаков-калмыков составляло 483 человека, то к 1836 г. число их уменьшилось до 426. При среднедушевом раскладе на каждого калмыка приходилось почти по 46,2 десятины земли (ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 60-62).

Калмыцкая команда подразделялась на 11 улусов, за каждым из которых закреплялась определенная территория. Земельное изобилие позволяло калмыкам сохранять полукочевой образ жизни. Кочевать зимой мешали холода. Основным их занятием по-прежнему оставалось скотоводство.

Принятие христианства слабо отразилось на религиозном быте оренбургских калмыков. По свидетельствам контактировавших с калмыками приходских священников, в большинстве калмыцких жилищ не было икон. 4 февраля 1767 г. священник Новосергиевской крепости Лаврентий Данилов уведомил Оренбургское духовное правление, что «в прошлом 1766 году в состоявшем близ Новосергиевской крепости по реке Гусихе улусе из калмык как крещений, так и погребений умерших не было и где те требы совершены, и кем, мне не известно» (Джунджузов, 2014a: 112).

Официально числясь христианами, оренбургские калмыки продолжали исповедовать буддизм. Их духовными лидерами выступали буддистские священнослужители, которые принимали крещение наравне с прочими калмыками. Основы буддистского вероучения и богослужебной практики через учеников они передавали новым поколениям местного калмыцкого духовенства. Имена некоторых из них сохранились в народной памяти. Так, в 1911 г. востоковед А.М. Позднеев со слов оренбургских калмыков сделал запись о выходе из Сорочинской станицы Бузулукского уезда, получившего при посвящении в гелюнга имя Эмчи-гелюнга, то есть гелюнга врача. О его глубоких медицинских познаниях и успешном врачевании среди калмыков ходило немало легенд (АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д.60. Л. 68-69).

Условия, благоприятствовавшие сохранению идентичности калмыков, поддерживались в Оренбургской губернии до 1840-х гг. Смена вероисповедания для них носила формальный характер. Проживали калмыки обособленно на закрепленной за ними территории. С весны до осени продолжали вести кочевой образ жизни. Основным их занятием оставалось скотоводство и связанный с ним скорняжный промысел. Аккультурационное воздействие на оренбургских калмыков со стороны имперской администрации проявилось в инкорпорации их в казачье сословие, со свойственными последнему социальным равенством и обязанностью несения военной службы. Холодный климат способствовал изменению хозяйственного быта оренбургских калмыков. У соседних поселенцев они перенимали опыт строительства отапливаемых домов, устройства загонов для скота, заготовки сена и дров.

Второй, более глубокий этап аккультурации оренбургских калмыков начался в 1840-е гг. в связи с принятием решения об упразднении в Оренбургском казачьем войске кантонной системы и переселении казаков из внутренних кантонов на Новую линию. Наряду с оренбургскими калмыками, состав новолинейных жителей пополнили крещенные калмыки бывшего Ставропольского калмыцкого войска, которые, согласно именному указу Николая I от 24 мая 1842 г., присоединялись к оренбургскому казачеству. Одна из целей этого Указа заключалась в последовательной русификации крещенных калмыков и их растворении в русскоязычной казачьей массе. В Новолинейном районе они были распределены по 32 поселкам совместно с русскими казаками, причем неукоснительно выполнялось требование численного преобладания последних. О недопустимости предоставления каких-либо особых привилегий калмыкам предупреждал оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский: «при переселении калмыков в состав Оренбургского казачьего войска, с переводом их из Ставрополя на вновь прирезанные земли, имелось в виду уничтожение самобытности ставропольских калмыков и постепенное их слияние с оренбургскими казаками». Перовский требовал от войскового начальства, чтобы оно не только подсеяло к калмыкам православных русских казаков, но и при всяком удобном случае изыскивало меры к выселению калмыков в христианские казачьи станицы, и особенно тех из них, «которые более склонны к язычеству и действиями своими поддерживают ложные верования» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 704. Л. 22).

С поселением на Новой линии радикально изменился быт оренбургских калмыков. Недостаток земельных угодий и строгий надзор за соблюдением административных предписаний принуждали

калмыков к оседлости и занятию земледелием. Трудности переходного периода усугублялись неурожаем, выпавшими на первое десятилетие после переселения, и падежом пригнанного скота, не выдержавшего смены климата и корма.

Некачественное питание, стесненные бытовые условия и изменения в трудовой деятельности влекли за собой сокращение рождаемости. За семьдесят лет численность оренбургских калмыков сократилась на две трети – с 3336 человек в 1844 г. (100 %) до 1204 в 1897 г. (36,07 %) и до 978 в 1915 г. (29,32 %) ([Первая всеобщая перепись населения, 1904; ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 243. Л. 7](#)).

Разбросанность калмыцких семейств по казачьим поселкам тем не менее не помешала калмыкам сохранить национальное и духовное единство, находившее как внешнее, так и внутреннее проявление. Они продолжали считать себя частью калмыцкого народа, общались на родном языке, редко вступали в межэтнические браки и почитали тибетский буддизм (ламаизм) в качестве своей национальной религии. На протяжении всего периода пребывания оренбургских калмыков на Южном Урале у них сохранялась тщательно скрываема от начальства и русских соседей религиозная организация. Общины формировались вокруг буддистских священников – гелюнгов и гецюлей ([Lyubichankovskiy, 2015a](#)). Их представления о буддийском вероучении строились на сведениях, вызубренных со слов учителей-наставников, таких же, как и их ученики, доморожденных служителей культа Будды. Сказывалась полная изоляция оренбургских калмыков от буддийских религиозных центров. Однако авторитет местных священнослужителей был настолько велик, что не обладавшие религиозными знаниями калмыки готовы были следовать любым их указаниям. К ним обращались с просьбами об отправлении ритуальных обрядов, шли за советом, медицинской помощью, отдавали им на обучение своих детей.

Указ о веротерпимости, изданный 17 апреля 1905 г., лишил Русскую православную церковь государственного покровительства в деле подавления религиозного инакомыслия ([Lyubichankovskiy, 2012](#)). Духовные и общественные лидеры оренбургских калмыков развернули активную деятельность, направленную на признание за ламаистскими общинами статуса религиозных организаций. К середине второго десятилетия XX века правом на смену вероисповедания воспользовалась четвертая часть калмыцкого населения Оренбургского войска – 254 человека. К ним следует прибавить ещё 211 человек, которых Оренбургская духовная консистория причисляла «к склонным к отпадению от православия», т. е. не получивших официального разрешения на смену вероисповедания ([ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 22](#)). В прошениях на смену вероисповедания калмыки неизменно указывали, что они, как и их предки, несмотря на принятие в 1737 г. православного христианства, всегда оставались приверженцами ламаизма, а проповедуемое православными священниками христианское вероучение «к совести не принимали» ([ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1102. Л. 17-18](#)).

Калмыками-буддистами было образовано четыре общины, в поселках: Варшавском, Измаильском, Кулевчинском и Толстинском. Им больше не приходилось скрывать свое истинное вероисповедание. Они получили возможность общаться со своими единоверцами и даже наладили контакты с духовными руководителями российских буддистов. Противостоять этому национально-конфессиональному движению Русская православная церковь пыталась путем создания в 1914 г. в Оренбургской епархии антиламаистской миссии. Однако увещевания православного окружного миссионера И. Харитонова действовали вхолостую. Обращения к разуму были неспособны поколебать этническое и религиозное самосознание ([Джунджузов, 2013: 58-63](#)). Проявленные оренбургскими калмыками решимость и упорство в период «заката» Российской империи позволили им добиться не только разрешения на смену вероисповедания, но и права на компактное проживание. Реализации проекта создания калмыцкого национального поселка помешала Гражданская война.

В 1920-е годы большинство оренбургских калмыков переселились в образовавшуюся в низовьях Волги Калмыцкую автономную область. Молодая калмыцкая автономия в их лице получила грамотных граждан, привыкших к оседлости и земледельческому труду. В то же время последствием переселения стала ликвидация инокультурной среды, выделявшей оренбургских калмыков из русскоязычного казачьего окружения и служившей фоном для проявления их групповой идентичности.

Уральские калмыки. Уральские калмыки, как и их оренбургские соседи, принадлежали к казачьему сословию. Но, в отличие от оренбуржцев, им не вменялась в обязанность смена исповедания, и их хозяйственная аккультурация носила органичный характер без внешнего административного нажима. Вхождение калмыков в состав Уральского казачьего войска проходило в процессе их длительного взаимодействия с уральскими казаками. Характеризуя развитие калмыцко-казацких отношений к 1710–1720-м гг., А.Б. Карпов подчеркивал, что за семьдесят лет совместной жизни калмыки и уральские казаки «уже успели сжиться, и долгая вражда их чередовалась с миром – «размиренье» чередовалось с «замиреньем» ([Карпов, 1911: 406](#)).

До начала XVIII века переход калмыков в яицкое казачество носил единичный характер. Ситуация изменилась в первой половине XVIII века, когда правительство запретило Яицкому войску допускать в свои ряды беглых крестьян. При этом обязательство Войска по несению пограничной службы и участию в войнах только усиливались. Численность войскового населения в этот период

обеспечивалась за счет записи в казаки представителей соседних кочевых народов: татар, туркмен, башкир, калмыков и др. Результат не замедлил сказаться – в 1725 г. в Яицкое войско зачислили 110 калмыков, а в 1748 г. на войсковой территории кочевало уже 620 калмыков. Из них, как говорилось в донесении Яицкой канцелярии, 470 «в казаки не записаны, но служат по воле своей», остальные 150 калмыков кочуют «по воле своей» (Джунджузов, 2016: 42).

Рост численности калмыцкого населения продолжался до 60-ых годов XIX века и к 1865 г. достиг 1280 человек. Затем, в 70-80-е годы, наблюдалась обратная тенденция. В 1885 г. в Уральском войске состояло всего 934 казака-калмыка, что на 17,1% меньше предыдущего показателя. Современники, обращавшиеся к анализу демографической ситуации, приходили к пессимистическому выводу о скором вымирании уральских калмыков (Бородин, 1891: 139). Прогноз однако не оправдался. Демографический спад прекратился. В 1904 г., согласно ведомости о вероисповедальном распределении казаков, в Войске насчитывалось 936 язычников (калмыков-буддистов. – С.Д., С.Л.), а еще через пять лет, в 1909 г. – 948. Расселение калмыков на войсковой территории не было ограничено определенными местностями. В XIX веке в разном количестве – от десятка до нескольких сотен человек – они проживали в восьми из десяти войсковых отделов (Шовунов, 1992: 160).

Войсковая статистика учитывала только вероисповедальную принадлежность. Следовательно, в графе «язычники» фиксировались только калмыки, исповедовавшие буддизм. Между тем еще в XVIII веке встречались калмыки, которые в казахском плену или в Яицком городке под влиянием татарских мулл принимали ислам. На протяжении всего периода пребывания калмыков в составе Уральского войска имели место случаи восприятия ими православного христианства. Упоминания о крещеных уральских калмыках встречаются в исторической публицистике XIX века. По наблюдениям А. Рябинина, калмыки, «прадеды и деды которых принимали крещение, отделились совершенно от своих прежних соплеменников, женились на русских и вообще старались слиться с главным племенем» (Рябинин, 1866: 367). Однако, как прозорливо отмечает тот же автор: «Несмотря на свою малочисленность, они (калмыки) твердо сохраняют свою религию, обычаи и образ жизни, так что слияние их с главным племенем произойдет, по всей вероятности, еще не скоро» (Рябинин, 1866: 328).

Как и у оренбургских калмыков, сохранение этнического и религиозного единства уральских калмыков обеспечивалось наличием влиятельного буддистского духовенства. В отличие от астраханских и донских калмыков, конфессиональная организация уральских калмыков не имела централизованного и единовластного управления в лице верховного ламы калмыцкого народа. Каждая община сама избирала из числа казаков, посвященных в духовное звание, священнослужителя, которого затем утверждал в должности оренбургский генерал-губернатор, а после административного обособления в 1868 г. Уральской области – Уральское областное правление. К компетенции областной администрации также относилось определение штатов буддистского духовенства, выдача разрешений на открытие молитвенных домов и контроль за их деятельностью. В начале XX века у уральских калмыков-буддистов имелась одна кумирня и шесть молитвенных домов, управляемых гелюнгами и гецолями (АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 58об). При молитвенных домах открывались конфессиональные школы, занятия в которых вели местные священнослужители. Штатному духовенству вменялось в обязанность ведение метрических книг и пропаганда верноподданнической идеологии.

В XIX веке калмыки уже достаточно глубоко адаптировались к хозяйственному и общественному укладу казачьей жизни. В справке «по учету язычников» за 1866 г. отмечалось, что «промыслы и занятия у язычников такие же, что и вообще у казаков. Как и казаки, занимаются скотоводством, хлебопашеством, рыболовством, служат на внешней и внутренней службе». В Уральском войске о калмыках сложилось мнение как о казаках законопослушных, исполнительных и верных воинскому долгу (Джунджузов, 2016: 43).

После установления Советской власти, уральские калмыки, пережившие Гражданскую войну и голод 1921–1922 гг., совместно с оренбургскими калмыками переселились в Калмыцкую автономную область.

5. Заключение

Изучение этнических судеб калмыков, в силу разных обстоятельств оседавших на Южном Урале, позволяет выявить некоторые закономерности, обеспечивавшие сохранение этнической идентичности или, напротив, приводившие к ее утрате. Определяющее значение имел религиозный фактор. Для калмыков это приверженность к буддизму – религии, которую они восприняли задолго до поселения на Урале. При этом, как показывает опыт оренбургских и уральских калмыков, хранителями буддистской сакральности выступало духовенство, под влиянием которого формировалось не только конфессиональное, но и народное самосознание калмыков. Следующими по значимости факторами выступали компактное проживание на обособленной территории и наличие особых сословных прав. Перешедшие в ислам аюкинские калмыки, утратив родной язык и смешиваясь (благодаря заключению браков) с башкирами, продолжали сохранять идентичность как вотчинники, наделенные правами военного сословия. Однако с введением кантонной системы и распространением на башкир военно-сословных прав и обязанностей, аюкинские калмыки как

обособленная общность перестали существовать. Те же калмыки, которые поодиночке или отдельными семьями присоединялись к местным этническим или сословным сообществам и воспринимали исповедуемую ими религию, подвергались неизбежной ассимиляции уже в первом или втором поколении.

В отличие от религиозной аккультурации, удовлетворительным результатом которой является восприятие религии доминирующего этноса, калмыки-буддисты усваивали быт и культуру казачьего сообщества. Они перешли к оседлости и земледелию, получали образование в станичных школах и воспитывались в традициях российского казачества, участвовали в общественной жизни казачьих станиц, избирались и назначались на руководящие должности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008)

Литература

- АВ ИВР РАН** – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук.
- Авдеев, 1904** – Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904.
- Азнабаев, 2014** – Азнабаев Б.А. Интеграция аюкинских калмыков в башкирский народ // *Вестник Башкирского университета*. 2014. Т. 19, №4. С. 1613-1615.
- Азнабаев, 2017** – Азнабаев Б.А. Формирование родоплеменной структуры «Калмак» в башкирском этносе // *Уральский исторический вестник*. 2017. №2(55). С. 78-87.
- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.
- Бородин, 1891** – Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891.
- Витевский, 1878** – Витевский В.Н. Нагайбаки, их песни, сказки и загадки // *Оренбургский листок*. 1878. №24. 2 апреля.
- Витевский, 1897** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Георги, 1799** – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 4. СПб., 1799.
- Джунджужов, 2013** – Джунджужов С.В. Миссионерское служение священника Иоанна Харитоновна среди калмыков Оренбургской епархии (1914-1916 гг.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. №5. С. 58-63.
- Джунджужов, 2014a** – Джунджужов С.В. «Они люди степные и в вере еще не совершенные...». Оренбургский след в крещении калмыков // *Родина*. 2014. № 10. С. 110-112.
- Джунджужов, 2014b** – Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014.
- Джунджужов, 2015** – Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперская политика аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Автореф. дис. доктора ист. наук. Оренбург, 2015.
- Джунджужов, 2016** – Джунджужов С.В. Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2016. №3. С. 46-50.
- История башкирского народа, 2011** – История башкирского народа в семи томах. Т. III. Уфа, 2011.
- Карпов, 2011** – Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть 1-я. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск, 1911.
- Кузеев, 1968** – Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. // *Археология и этнография Башкирии*. Т. III. Уфа, 1968.
- Кузеев, 1974** – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Материалы по историко-статистическому описанию, 1910** – Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. X. Оренбург, 1910.
- Новосельский, 1948** – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.,-Л., 1948.
- Орлова, 2006** – Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006.
- Первая всеобщая перепись населения, 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 г. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. Оренбург, 1904.

Рычков, 1887 – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Рябинин, 1866 – Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. I. СПб., 1866.

Самигулов, 2015 – Самигулов Г.Х. Аюкинские калмыки: к истории этнической группы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия История. Вып. 64. 2015. №14 (369). С. 45–50.

Стариков, 1891 – Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891.

Таймасов, 2009 – Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М., 2009.

Шовунов, 1992 – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992.

Lyubichankovskiy, 2012 – Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol.13, № 4 (Fall 2012). pp. 861-875.

Lyubichankovskiy, 2015a – Lyubichankovskiy S. Buddhism in the Orenburg Cossack Troops in the Period Between Two Russian Revolutions (the Beginning of the XXth Century) // International Conference on Studies in Humanities and Social Sciences (SHSS-2015). Nov. 25-26, 2015 Paris – France. Editors Prof. Dr. Michel Plaisent, Dr. Lili Zheng. Paris: ICEHM, 2015. pp. 146-151.

Lyubichankovskiy, 2015b – Lyubichankovskiy S., Tropov I. Russia's Regional Governance at the Change of Epochs: Administrative Reform Drafts in the Late 19th-Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2. pp. 309-318.

References

AV IVR RAN – Arhiv vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj akademii nauk [Archive of Orientalists of Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences].

Avdeev, 1904 – Avdeev P.I. (1904). Istoricheskaja zapiska ob Orenburgskom kazach'em vojske [Historical note on the Orenburg Cossack Host] Orenburg [in Russian].

Aznabaev, 2014 – Aznabaev B.A. (2014). Integracija ajukinskih kalmykov v bashkirskij narod [Integration of Ayuk Kalmyks into Bashkir people]. *Bulletin of Bashkir University*. Vol. 19, № 4, pp. 1613-1615. [in Russian].

Aznabaev, 2017 – Aznabaev B.A. (2017). Formirovanie rodoplemennoj struktury «Kalmak» v bashkirskom jetnose [Formation of the tribal structure «Kalmak» in the Bashkir ethnos]. *Ural historical journal*. № 2(55). pp. 78-87. [in Russian].

Bakunin, 1995 – Bakunin V.M. (1995). Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'cev. Sochinenie 1761 goda. [Description of Kalmyk peoples, and especially of Torgout, and the deeds of their khans and owners. The composition of 1761]. Elista. [in Russian].

Borodin, 1891 – Borodin N. (1891). Ural'skoe kazach'e vojsko. Statisticheskoe opisanie v dvuh tomah [The Ural Cossack Host. Statistical description in two volumes]. Uralsk. [in Russian].

Vitevskij, 1878 – Vitevskij V.N. (1878). Nagajbaki, ih pesni, skazki i zagadki [Nagaibaks, their songs, tales and riddles]. *Orenburg leaf*. № 24. April, 2 [in Russian].

Vitevskij, 1897 – Vitevskij V.N. (1897). I.I. Nepljuev i Orenburgskij kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g. [I.I. Nepluev and Orenburg region in its former composition up to 1758]. Kazan. [in Russian].

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of Orenburg Region].

Georgi, 1799 – Georgi I.G. (1799). Opisanie vseh obitajushih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskih obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej [Description of all peoples inhabiting the Russian State: their everyday rituals, habits, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilia]. Part 4. SPb. [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2013 – Dzhundzhuzov S.V. (2013). Missionerskoe sluzhenie svjashhennika Ioanna Haritonova sredi kalmykov Orenburgskoj eparhii (1914-1916 gg.) [Missionary service of priest Joahnn Kharitonov among Kalmyks of the Orenburg diocese (1914-1916)]. *Proceedings of the Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences*. №5. pp. 58-63. [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2014a – Dzhundzhuzov S.V. (2014). «Oni ljudi stepnye i v vere eshhe ne sovershennye...». Orenburgskij sled v kreshhenii kalmykov [«They are steppe people and in the faith they are not yet perfect...». Orenburg trace in the baptism of Kalmyks]. *Home land*. № 10. pp. 110-112 [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2014b – Dzhundzhuzov S.V. (2014). Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Juzhnom Urале: imperskie mehanizmy akkul'turacii i problema sohraneniya jetnicheskoi identichnosti (seredina 30-h godov XVIII - pervaja chetvert' XX veka) [Kalmyks in Middle Volga region and Southern Ural: the imperial mechanisms of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-30s of the XVIII – the first quarter of the XX century)]. Orenburg. [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2015 – Dzhundzhuzov S.V. (2015). Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Juzhnom Urале: imperskaja politika akkul'turacii i problema sohraneniya jetnicheskoi identichnosti (seredina 30-h godov XVIII – pervaja chetvert' XX veka) [Kalmyks in the Middle Volga and Southern Ural: the imperial policy of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-30s of the XVIII - the first quarter of the XX century)]. Abstract of dis. Doctor of Historical Sciences. Orenburg. [in Russian].

[Dzhundzhuzov, 2016](#) – *Dzhundzhuzov S.V.* (2016). Pravovaja reglamentacija naznachenija svjashhennosluzhitelej v buddistskie obshhiny Ural'skogo kazach'ego vojska v seredine i vtoroj polovine XIX veka [Legal regulation of clergymen appointment in the Buddhist communities of the Urals Cossack Host in the middle and second half of the XIX century]. *Proceedings of the Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences*. №3. pp. 46-50. [in Russian].

[Istorija bashkirskogo naroda, 2011](#) – Istorija bashkirskogo naroda v semi tomah [History of Bashkir people in seven volumes]. Vol. III. Ufa. 2011 [in Russian].

[Karpov, 2011](#) – *Karpov A.B.* (2011). Ural'cy. Istoricheskiy ocherk. Chast' 1-ja. Jaickoe vojsko ot obrazovaniya vojska do perepisi polkovnika Zaharova (1550-1725 gg.) [Ural people. A historical essay. Part 1. The Yaik host from the formation of the host to the census of Colonel Zakharov (1550-1725)]. Uralsk. [in Russian].

[Kuzeev, 1968](#) – *Kuzeev R.G.* (1968). Chislennost' bashkir i nekotorye jetnicheskie processy v Bashkirii v XVI–XX vv. [The number of Bashkirs and some ethnic processes in Bashkiria in the XVI-XX centuries]. *Archeology and ethnography of Bashkortostan*. Vol. III. Ufa. [in Russian].

[Kuzeev, 1974](#) – *Kuzeev R.G.* (1974). Proishozhdenie bashkirskogo naroda. Jetnicheskiy sostav, istorija rasseleniya [The origin of Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]. Moscow. [in Russian].

[Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniju, 1910](#) – Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniju Orenburgskogo kazach'ego vojska [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack Host]. Issue X. Orenburg. 1910 [in Russian].

[Novosel'skiy, 1948](#) – *Novosel'skiy A.A.* (1948). Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle between the Moscow State and Tatars in the first half of the XVII century]. M.,- L. [in Russian].

[Orlova, 2006](#) – *Orlova K.V.* (2006). Istorija hristianizacii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. Moscow [The history of Kalmyks' Christianization: the middle of the XVII - the beginning of the XX century]. Moscow. [in Russian].

[Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya, 1904](#) – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii za 1897 g. T. XXVIII: Orenburgskaja gubernija [First general census of the Russian Empire for 1897. Vol. XXVIII: Orenburg province]. Orenburg/ 1904 [in Russian].

[Rychkov, 1887](#) – *Rychkov P.I.* (1887). Topografija Orenburgskoj gubernii [Topography of Orenburg province]. Orenburg. [in Russian].

[Rjabinin, 1866](#) – *Rjabinin A.* (1866). Ural'skoe kazach'e vojsko [The Ural Cossack Host]. Part I. SPb. [in Russian].

[Samigulov, 2015](#) – *Samigulov G.H.* (2015). Ajukinskie kalmyki: k istorii jetnicheskoy gruppy [Ayuk Kalmyks: to the history of the ethnic group]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. History*. Issue 64. № 14 (369). pp. 45–50. [in Russian].

[Starikov, 1891](#) – *Starikov F.* (1891). Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego vojska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskih kazakov, risunkov so znamjon i karty [Historical and statistical essay of the Orenburg Cossack Host with an article about the domestic life of Orenburg Cossacks, drawings of standards and maps]. Orenburg. [in Russian].

[Tajmasov, 2009](#) – *Tajmasov S.U.* (2009). Bashkirsko-kazahskie otnosheniya v XVIII v. [Relations between Bashkirs and Cossacks in the XVIII century]. Moscow. [in Russian].

[Shovunov, 1992](#) – *Shovunov K.P.* (1992). Kalmyki v sostave rossijskogo kazachestva [Kalmyks among Russian Cossacks]. Elista. [in Russian].

[Lyubichankovskiy, 2012](#) – *Lyubichankovskiy S.* (2012). Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol.13, № 4 (Fall 2012). pp. 861-875.

[Lyubichankovskiy, 2015a](#) – *Lyubichankovskiy S.* (2015). Buddhism in the Orenburg Cossack Troops in the Period Between Two Russian Revolutions (the Beginning of the XXth Century) // International Conference on Studies in Humanities and Social Sciences (SHSS-2015). Nov. 25-26, 2015 Paris – France. Editors Prof. Dr. Michel Plaisent, Dr. Lili Zheng. Paris: ICEHM. pp. 146-151.

[Lyubichankovskiy, 2015b](#) – *Lyubichankovskiy S., Tropov I.* (2015). Russia's Regional Governance at the Change of Epochs: Administrative Reform Drafts in the Late 19th-Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. Vol. 36. Is. 2. pp. 309-318.

УДК 94(47) (470.56)

**Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX века:
проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности**Степан Викторович Джунджузов^{a, *}, Сергей Валентинович Любичанковский^a^aОренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются процессы межэтнического взаимодействия калмыков, населявших Южный Урал в XVIII – начале XX века, с преобладающим русскоязычными и тюркоязычными этническими сообществами. На примере малочисленных, проживавших изолированно друг от друга этнических групп калмыков анализируются механизмы оказываемого на них аккультурационного воздействия, выявляются общие закономерности, влиявшие на потерю или сохранение ими этнической идентичности.

Источниками для проведения представленного исследования послужили материалы из фондов Архива востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург). Архивные изыскания в сочетании с опубликованными материалами официальной статистики, дневниковой и мемуарной литературы обеспечили информационную базу для проведения обобщающего исследования.

Для выявления закономерностей и особенностей воздействия на калмыков инокультурного и инорелигиозного социума использовался компаративный (историко-сравнительный) метод. Посредством метода критического анализа исторических источников определялась степень достоверности и репрезентативности документального материала.

Изучение истории уральских и оренбургских крещеных калмыков, нагайбаков, а также, воспринявших ислам аюкинских калмыков, позволило авторам прийти к выводу, что главным фактором, обеспечивавшим сохранение калмыками групповой идентичности, являлась их приверженность тибетскому буддизму (ламаизму), который новые поколения калмыцких поселенцев считали религией предков. Потеря идентичности наступала вне зависимости от перехода ислам или христианство, главное, чтобы к исповеданию новой религии ее адепты относились осознанно, а не как к навязанной духовной повинности. Длительному поддержанию самобытности отдельных групп калмыков, утративших религиозную идентичность, способствовало их компактное проживание на обособленной территории и наличие особых сословных прав.

Ключевые слова: аккультурация, ассимиляция, идентичность, калмыки, религия, этническая группа, Южный Урал.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: djund@yandex.ru (С.В. Джунджузов), svlubich@yandex.ru (С.В. Любичанковский)